Сектор газетных и журнальн. вырезок Мосгорсправка НКС

Мясницкая, 26-6

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Литературная газета

Москва

Драматурги в гостях у ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Если организованно журналом «Театр и драматургия» встречу с мхатовцами считать не случайным эпизодом, а началом, вступлением к целому циклу подобного рода встреч, то ее следует признать вполне удавшейся: она предвещает плодотворную дискуссию по основным вопросам советского театра, в частности по вопросу о взаимоотношениях МХАТ с драматургами наших дней.

Пока же линии этой дискуссии только обозначились, пока же пришлось ограничиться лишь постановкой вопросов, одним лишь пред'явлением взаимных счетов, накопившихся в избытке.

Стержневым моментом обсуждения был следующий:

Почему МХАТ не нашел еще своего драматурга? Какие причины препятствуют этому? И что нужно для устранения их?

Прямого ответа на проклятые вопросы не дал, разумеется, никто. Но вся аргументация, которой оперировали в своих выступлениях работники МХАТ гг. В. И. Немирович-Данченко, П. Марков, В. Сахновский и И. Сулакян, а также А. Афиногенов, довольно недвусмысленно подводила к следующему выводу.

Главная причина — в недостаточном высоком качестве советской драматургии. Она не дает еще театру всей полноты ощущений нашей действительности. Она не раскрывает перед актером глубинных процессов нашей жизни, не умеет еще давать великое через «обыденное», вечное — в «сегодняшнем», она ставит слишком отчетливые точки на «я», не оставляя актеру и режиссеру места для творческого домысла, для поисков «подводных» течений.

Встречный счет пред'явил театру т. Ю. Юзовский. Он говорит о том разочаровании, которое доставляли последние постановки МХАТ «Талаяты и поклонники», «Егор Булычев» и ряд других. Пьесы эти оказались в театре идейно и художественно далеко не высокоценными, и это свидетельствует о наличии в мхатовском организме таких процессов, которые навряд ли могут оказаться благотворными в смысле воспитания нужных театру драматургических кадров, творческого стимула для драматургии.

Той же точки зрения придерживается и т. Б. Ромашев. Он говорит о том печальном чувстве неудовлетворенности, которое даже в нем, человеке, в значительной степени сложившемся под влиянием МХАТ, порождают сейчас мхатовские постановки классических пьес. Одновременно т. Ромашев полемизирует с С. Буданцевым, требующим от советских драматургов «простых житейских конфликтов», как их давали, например, Чехов и Островский. — Дело-то в том, —

возражает Ромашев, — что и конфликты у нас новые, и взаимоотношения новые и качество чувственное; показать это все не так-то просто, тут со старыми эстетическими и идейными критериями не подойдет.

Отвечая на упреки, адресованные руководству театра некоторыми театральными деятелями, в частности на упрек т. С. Амаглобеди, что МХАТ ничего не сделал для того, чтобы создать своего драматурга, В. И. Немирович-Данченко утверждает, что задача эта, сознательно поставленная театром перед собой, прежде не давала желанных результатов. Навряд ли увенчаются такие поиски успехом и в настоящее время.

— Нам остается только ждать, оставаясь на наших позициях, не поступаясь своими принципами.

Значительную часть своей речи В. И. посвящает полемике с критиками, обвиняющими МХАТ в связи с его последними постановками, в «непреодоленном бытовизме».

— Пугают бытовые детали, за которыми якобы нет сути. Нужно, чтобы идеология не давалась навязчиво. Для этого достаточно трибуны, кафедры, а в театре зритель должен либо плавать, либо смеяться. Пусть он умесет от спектакля, как непосредственное впечатление, быт, а не идею, быт, поднятый, конечно, до высоких обобщений, — идея придет после. Быта боятся только об'евшиеся люди. В этом мы убеждены и, оставаясь на этих позициях, мы победим, как победили в прошлом, невзирая на то, что и тогда часто не хотели за сверчками, занавесочками и тому подобными атрибутами увидеть подлинный смысл того, что мы показывали.

В. И. отрицает возможность развития театра вне современного репертуара. МХАТ обращается к классикам как к «резерву», когда найдено нет нужной пьесы о нашей современности, и отходит от классиков, когда такая пьеса появляется. Чем прочнее будет стоять на ногах советская драматургия, тем реже, конечно, придется прибегать к помощи резерва.

Ряд важнейших вопросов, поднятых на встрече работниками МХАТ, повис, к сожалению, в воздухе. Виной тому — слабая активность присутствовавших писателей, драматургов и критиков (Л. Леонов, Б. Пильняк, Л. Славин, Е. Габрилович, П. Павленко, С. Динамов, О. Литовский, В. Волькенштейн, А. Селявановский, Н. Оружейников, Э. Бескин и др.). Они молчали, как вежливые гости, быть может, боясь шокировать своих любезных хозяев. А ведь поговорить было о чем. В чем же дело?

Будем ждать следующей встречи.

Я. Э.—МАН.